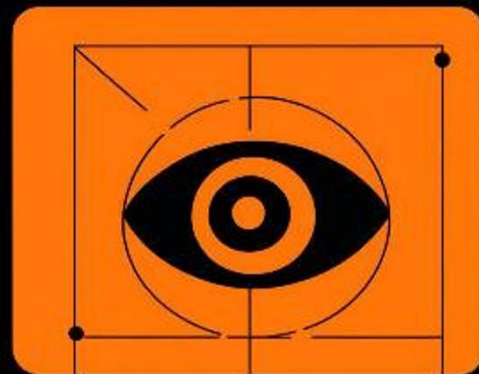

Гари Нор

ЭМПАТИЯ

Гари Нор
Эмпатия

«Автор»

2026

Нор Г.

Эмпатия / Г. Нор — «Автор», 2026

Мир, где эмоции стали валютой. Здесь продают радость и покупают печаль, а счастье измеряют процентами. Алиса — архитектор, потерявшая работу, веру в себя и последние деньги. Её дни — череда отказов и пустых надежд. Так было пока однажды на почту не приходит письмо от корпорации FutureSense. Они предлагают шанс, о котором она уже не смела мечтать. Но цена может оказаться непомерной. Что скрывается за идеальными улыбками эмпатов, транслирующих чувства на миллионы зрителей? Можно ли сохранить себя, когда твои переживания становятся товаром? И где та грань, за которой ты перестаёшь быть собой и превращаешься в идеальную, но пустую оболочку? Роман-антиутопия о том, как далеко мы готовы зайти в погоне за успехом и что останется, когда мы продадим самое ценное — способность чувствовать по-настоящему. Для поклонников острой социальной фантастики, историй о выборе и внутренней борьбе.

© Нор Г., 2026

© Автор, 2026

Гари Нор

Эмпатия

ЧАСТЬ 1: «ПОДКЛЮЧЕНИЕ»

Глава 1: «Архитектор пустоты»

Алиса не помнила, когда впервые увидела этот красный пульсирующий треугольник на потолке. Она давно научилась его игнорировать, а ведь поначалу от одного его вида её охватывала паника: то ли пожар случился, то ли, что ещё хуже, дверь кто-то взломал. Теперь-то она знала — это просто свет неоновой вывески «Продукты 24», пробивающийся сквозь тонкую штору. Но вот писк, доносившийся от телефона на тумбочке, игнорировать было сложнее: настойчивый, требовательный. Она протянула руку, нащупала холодный пластик и экран подтвердил худшие ожидания: «ПРОСРОЧКА ПЛАТЕЖА — 3 ДНЯ. Подключите автоплатёж или свяжитесь с банком».

Все уведомления были смахнуты одним движением — даже без попытки дочитать до конца. Алиса и так знала этот стандартный набор угрозино-участливых формулировок: «реструктуризация», «социальный тариф», «рейтинг ниже среднего». Она вспомнила, как вчера потратила два часа, пытаясь вдолбить банковскому роботу, что архитектор без работы — это не преступление, а всего лишь стечение обстоятельств. На что робот, вежливый до омерзения, неизменно отвечал: рейтинг сорок семь из ста до кредитных каникул не дотягивает. А ведь когда-то, в школе, у неё было девяносто восемь, и вот теперь сорок семь. Невероятно, но это падение длиной в жизнь умещалось в одну строчку на экране.

Алиса рывком села на кровати, отчего комната поплыла у неё перед глазами. Вчера она увлеклась рассылкой резюме и забыла поесть. Упражнение нужное, но бесполезное: пятьдесят три резюме за неделю — и ноль ответов. Она взглянула на платье, сиротливо висящее в углу на спинке стула — в нём она ходила на последнее собеседование месяц назад. Там сказали: «У вас впечатляющее портфолио, Алиса, но мы ищем человека, способного чувствовать запрос клиента». Смысл этой фразы дошёл до неё только на выходе из офиса, когда взгляд упёрся в рекламный щит напротив.

На щите была Катя.

Катя, с которой они вместе учились в институте, — та самая, что сидела на подоконнике общежития и курила в форточку, прячась от комендантши; трижды завалившая сопромат. Теперь Катя смотрела со щита огромными влажными глазами. А под фотографией значилось: «КАТЯ. 20-я неделя. ЭМОЦИИ ЖИЗНИ. Подпишись на трансляцию моего счастья за 199 рублей/месяц». И как обычно, чуть ниже почти нулевым кеглем: «Проект "Будущие мамы" от корпорации FutureSense». В тот момент Алиса застыла посреди тротуара, разглядывая однокурсницу. Катя была на пятом месяце и транслировала свою беременность в сеть, и ведь тысячи людей платили деньги, чтобы чувствовать то же, что чувствует Катя: когда ребёнок толкается, когда она ест клубнику, когда будущий отец гладит её по животу. И Катя, не способная построить простейшую эпюру, зарабатывала больше, чем Алиса в свои лучшие годы.

В голове вновь всплыл вчерашний разговор с матерью. Та, как всегда, начала издали: «Доченька, ты смотрела программу вчера? Там показывали девочку, которая купила квартиру за полгода эмпатии. Просто чувствовала грусть по заказу — и купила квартиру. Может, и тебе попробовать? Ты же у меня такая чувствительная всегда...». Мама не понимает. Она застряла в старом мире, где работа была работой, а чувства — просто чувствами. Родившись в про-

шлом тысячелетия, она так и не приняла, что мир изменился. Хотя иногда Алиса ловила себя на мысли: а вдруг это мать права, а все остальные дружно сошли с ума? Но стоит открыть новости, как заголовки бьют по глазам: «Эмпат года получил премию 50 миллионов», «Как эмоциональный интеллект стал главной валютой», «FutureSense открывает набор в новую программу „Глубокие чувства“». От одного названия FutureSense к горлу подкатывает тошнота. Гигант. Монополист. Корпорация, которая первой запатентовала нейроимпланты и теперь владеет почти всем рынком эмоций. С их лозунгом — «Чувствуй лучше», обещанием — «Никогда не будешь один» и проклятием: они сделали чувства товаром. В новом мире, если ты не умеешь продавать свои эмоции, ты — никто.

Алиса встала с кровати и побрела в ванную. Зеркало встретило её женщиной, которой не было и тридцати четырёх, но выглядела она на все сорок: синяки под глазами, тусклые волосы, кожа цвета вчерашнего кофе. Попытка улыбнуться родила гримасу, и она опустила глаза: смотреть на это существо не было сил. Когда она шла обратно, то задела стопку книг на полу — Достоевский, Кафка, Платонов. Всё, что она таскала за собой из общаги в общагу, с одной съёмной квартиры на другую. Мать каждый раз говорила: «Выкинь ты это старьё, они есть в любой онлайн-библиотеке». Но Алиса не могла — бумага пахнет детством, пахнет отцом, который читал ей вслух «Белые ночи» и плакал в конце, будучи сентиментальным дураком, пока однажды не ушёл, когда ей исполнилось двенадцать, сказав: «Я больше ничего не чувствую к маме, доча. Это нечестно — притворяться». Тогда она не понимала, как можно перестать чувствовать: теперь понимает — слишком хорошо.

Щелчок, и кофеварка — единственная дорогая вещь в этой квартире — радостно заурчала. Через минуту она оповестила, что напиток готов. Алиса налила чашку, села за стол, открыла ноутбук и увидела сорок восемь непрочитанных писем. Из них тридцать девять — реклама, восемь — уведомления от банка, налоговой, службы рейтинга. И одно письмо, от которого её сердце пропустило удар: отправитель «FutureSense HR», тема «Вакансия мечты?». Ещё минуту она просто смотрела на эти слова, не решаясь открыть. Потом всё-таки кликнула и прочитала:

«Уважаемая Алиса! Наша система подбора персонала проанализировала ваш публичный цифровой профиль и обнаружила высокий потенциал эмпатического отклика. Мы приглашаем Вас принять участие в уникальном проекте — программе "Эмпатия", финалисты которой получают эксклюзивные контракты с корпорацией. Никакого опыта не требуется. Никаких специальных навыков. Только ваша способность чувствовать. Вы готовы узнать своё истинное предназначение?»

А дальше ссылка на регистрацию и стандартная юридическая информация, которую никто никогда не читает.

Алиса закрыла письмо, открыла снова, закрыла. Кофе тем временем успел остыть.

А перед глазами раз за разом всплывали Катя на щите с её пустыми глазами и рекламной улыбкой, потом голос матери: «Ты же у меня такая чувствительная», потом отец, который слишком много чувствовал и поэтому ушёл, потом она сама вчерашняя — сидящая в кафе с бесплатным вай-фаем, делающая вид, что пьёт кофе, который не может себе позволить, лишь бы не сидеть дома без интернета.

Из оцепенения её выдернуло новое уведомление: банк напомнил, что сегодня последний день для оплаты коммунальных услуг, при неоплате услуга будет приостановлена. На экране был баланс — 340 рублей. До зарплаты в кофейне, где она подрабатывала три раза в неделю, оставалось ещё пять дней. Кофейня платила 500 рублей в час, но давали всего двадцать четыре часа в неделю, потому что «вы переквалифицированы, мы боимся, что вы уйдёте, как только найдёте работу по специальности». Хотя она не уйдёт, она никуда не уйдёт, вот уже два года она никуда не может уйти. Пальцы сами набрали адрес из письма.

Сайт FutureSense встретил её плавной анимацией — лица людей сменяли друг друга: улыбающиеся, плачущие, смеющиеся, задумчивые, под каждой цифры рейтинга и цена подписки. Внезапно Алиса заметила знакомое лицо — Виктор, её бывший коллега по архитектурному бюро, разорившемуся три года назад. Виктор улыбался с экрана, подпись гласила: «ВИКТОР. Эмпат страха. 98% чистоты. Одна эмоция всего за: 1499 рублей». Виктор, который строил гениальные мосты, теперь продавал свой страх. Палец сам нажал «Подробнее о программе», услужливый сайт перекинул на страницу с заявлением: «Программа "Эмпатия" — это шанс раскрыть свой внутренний потенциал. Мы ищем людей, способных чувствовать глубже, чище, искреннее. Мы дадим вам инструменты. Вы дадите нам свои эмоции. Вместе мы сделаем мир лучше. Нажмите "СОГЛАСЕН", чтобы начать путь к себе настоящему».

Внизу пульсировала огромная синяя кнопка «СОГЛАСЕН». Алиса смотрела на неё, не в силах отвести взгляд от курсора, замершего прямо над кнопкой. За годы работы в архитектурном бюро Алиса научилась прислушиваться к собственному голосу, но сейчас он упорно молчал, чего нельзя было сказать о беспощадном телефоне. Вот у кого всегда было что сказать: он ожил новой трелью, оповещая, что звонит Катя.

Алиса посмотрела на экран, на имя, и почувствовала странный укол — смесь зависти, любопытства и желания услышать живой голос — не робота, не уведомления. И нажала зеленую кнопку.

— Алиска, привет! — голос Кати зазвенел, переливался, в нём было столько жизни, что даже через динамик казалось, будто она сейчас выпрыгнет из телефона. — Ты где? Я тут недалеко, подписала новый контракт, хочу отметить! Давай встретимся в «Кофе и Круассаны», я угощаю. Лена и Серёжа тоже будут. Приходи, сто лет не виделись!

Алиса посмотрела на пульсирующую кнопку «СОГЛАСЕН», на баланс 340 рублей, на фотографию Виктора, продающего страх, и подумала: почему бы и нет? Всё равно она не могла сейчас принять решение. Нужно было проветрить голову, отвлечься от этих мыслей. А кофе за чужой счёт — это то, что она могла себе позволить.

— Хорошо, буду через полчаса.

Она закрыла ноутбук, накинула куртку и вышла на улицу.

—

Кафе было уютное, с приглушённым светом и запахом свежемолотого кофе, который обволакивал с порога. Катя уже сидела за столиком у окна, рядом с ней Лена и Серёжа. Катя сияла, прямо светилась изнутри — наверное, от нового контракта. Лена похудела, подстриглась и смотрела с какой-то новой, уверенной ленцой. Серёжа, как всегда, громкий, жестикулировал, на коленях новенький планшет.

— Алиска! — Катя бросилась к ней, обняла быстро и крепко. От неё пахло чем-то цветочным, лёгким, знакомым ещё с института. Если бы не плакаты по всему городу, Алиса бы и не догадалась, что Катя беременна. Она двигалась так же легко, так же живо, и только едва заметная округлость под свободной блузой выдавала её положение.

Катя усадила Алису и, не глядя в меню, махнула официантке.

— Девушка, нам, пожалуйста, крафтовый капучино с ванилью и круассан.

Алиса мысленно поблагодарила её. «Крафтовый» — это ведь то самое уточнение, которое избавляло от неловкого вопроса про эмки. Официантка улыбнулась, записала заказ и отошла. Алиса выдохнула.

— А мы тут как раз триллер обсуждали, — Катя повернулась к Лене. — Лена с Серёжей вчера ходили на премьеру.

Алиса удивлённо подняла брови:

— Триллер? Лена, ты же их терпеть не могла.

Лена мягко улыбнулась, как улыбаются человеку, который отстал от жизни:

— Я с фильмом смотрела. Ну, чтобы не пугаться. Зачем над собой издеваться?

Алиса кивнула, будто поняла, но на самом деле внутри у неё сжалось. Эмофилтры. Опять. Она старалась не подавать виду, что впервые слышит об этом так буднично.

Серёжа, который до этого листал планшет, вдруг поднял голову и посмотрел на Алису:

— Слушай, а как у тебя с поиском работы? Ходишь по собеседованиям?

— Не плохо, — Алиса ответила ровно. — Хожу. Пока не определилась.

Серёжа хмыкнул и откинулся на спинку стула:

— Может, чип купишь? Проще на собеседованиях будет.

Алиса сжала чашку с капучино, будто ища опору и тихо, но твёрдо, ответила:

— Архитектору важно жить собственными чувствами.

Серёжа посмотрел на неё с лёгкой усмешкой, в которой не было злобы, но была уверенность человека, давно принявшего правила игры.

— Ну не знаю. Вот придёт к тебе заказчик, расскажет идею и скажет: «Мне важно, чтобы посетители, заходя в здание, ощущали вот это». И эмку принесёт. И что ты ему ответишь? «Извините, я вас не понимаю»?

Алиса молчала. Он продолжил:

— Так теперь только в красной зоне и работают. Но в тех лачугах архитекторы не нужны. Я не настаиваю, но ты подумай.

Повисла пауза. Лена тронула Серёжу за рукав:

— Серёж, ну ты именно настаиваешь. Не дави на неё. Она сама разберётся, как ей лучше.

Серёжа поднял руки вверх, улыбаясь:

— Хорошо, хорошо. Сдаюсь.

Разговор перетёк на привычные вещи: погода, сериалы, новый контракт Кати, какая-то ерунда. Алиса кивала, улыбалась, вставляла короткие реплики, но с каждой минутой всё острее чувствовала себя одинокой среди этих людей. Словно её пригласили посмотреть, как живут нормальные люди, и она теперь сидит за стеклом и не понимает их языка. Они обсуждали что-то, смеялись, а она смотрела на пар от капучино и думала о том, как давно не чувствовала себя настолько чужой.

Когда кофе был допит, подошла официантка — та самая, что принимала заказ.

— Спешите впечатления? У нас сейчас хороший курс.

Катя просияла:

— Конечно! Я всегда за скидки.

Она рассчиталась по биометрии, не глядя на чек, и Алиса опять ощутила, как мир делится на две половины: тех, кто может оплатить улыбкой, и тех, кто всё ещё достаёт карту.

Они вышли на улицу. Вечерняя прохлада была как нельзя кстати, и Алиса отогнала от себя изрядно навалившуюся тоску. Серёжа вдруг присвистнул, уставившись в планшет:

— О, смотрите! У Антона помолвка!

Все склонились к экрану. На фотографии Антон обнимал девушку с длинными светлыми волосами, оба смеялись. Подпись: «Она сказала: "ДА"».

— Алиса, а твой бывший ещё и эмку подшил, — сказала Лена, не отрываясь от экрана.

Алиса посмотрела на фотографию, и то, что мучительно складывалось весь день, вдруг ожило. Глядя на улыбающуюся девушку, на знакомое лицо Антона, на закат за их спинами, она увидела перед собой, как вспышку, собственное детство: вот она бежала босиком по лужам, мать кричала: «Простудишься!», а ей было всё равно, потому что вода после дождя тёплая и пахнет свободой. Где теперь та девочка, что плакала над книжками и смеялась так громко, что соседи стучали по батареям? Умерла? Спит? Или её продали за долги?

Почему он достоин, а я нет? Почему он может быть счастлив, а я стою здесь с 340 рублями на счету и наблюдаю за его жизнью через экран?

— О, Лен, давай сделаем скетч? — вдруг оживился Серёжа.

Он неожиданно опустился на одно колено прямо на тротуар. Лена сделала комично серьёзное лицо, как в театре, и прижала руки к груди.

— Выходи за меня замуж! — продекламировал Серёжа с улыбкой.

— Да! — ответила Лена с пафосом.

Серёжа вскочил, достал планшет и, изображая, что пишет, проговорил вслух:

— Она сказала «Да». А теперь проиграем эмку.

Он нажал эмиль всем. Лица ребят изменились, на них отразился восторг, счастье, торжество. Они смотрели в пустоту, но будто видели что-то яркое, наполняющее их изнутри.

— Ого, — выдохнул Серёжа, опуская планшет. — Вот это восторг. Счастье и торжество, словно покорение вершины. Сколько он за такую эмку отвалил?

Катя покачала головой:

— Это точно работа элитного эмпата.

Алиса стояла в стороне, но разделить их восторг не могла; лицо её побледнело, а кулаки в карманах куртки сжимались всё сильнее.

— Алиса, ты чего? — Катя вдруг заметила её состояние. — У тебя всё в порядке?

Алиса выдавила улыбку, которая больше походила на гримасу:

— Всё нормально, — продолжая улыбаться ответила Алиса. — Просто устала. Пойду я, ребят. Спасибо за кофе.

Она не стала ждать ответа. Развернулась и пошла прочь, стараясь не показать волнения и держа спину ровно, пока голоса друзей не растворились за спиной. И лишь свернув за угол, она почти бегом понеслась домой, не разбирая дороги. В голове пульсировало одно: 340 рублей, кнопка «СОГЛАСЕН», лицо Антона, лужи, запах свободы. Всё смешалось в один отчаянный комок, который толкал её вперёд и не давал остановиться.

Дома она, не снимая куртки, бросилась к ноутбуку. Открыла крышку. Курсор снова замер над пульсирующей синей кнопкой. Она смотрела на неё и думала о Кате, о Лене, о Серёже, об отце, о матери. О том, что выбор уже сделан. Не сегодня, не сейчас, а тогда, когда мир изменился, а она осталась прежней. И теперь либо меняться, либо исчезнуть.

Щелчок — и дело сделано.

Экран мигнул, загружая предупреждение: «Вы подтверждаете добровольное участие в программе нейроимплантного тестирования. Будут обрабатываться биометрические данные. Нажмите "Да" для продолжения». Она нажала «Да», даже не дочитав. Ещё один экран: «Спасибо, Алиса! Ваша заявка принята. Первый этап отбора состоится завтра в 10:00 по адресу: проспект Мира, д. 217, корпус 3, офис FutureSense. При себе иметь паспорт или документ, подтверждающий личность. Явка строго обязательна».

Она трижды перечитала сообщение, отметив про себя, что проспект Мира, 217 — это в центре, тот самый стеклянный небоскрёб, который видно из любой точки города. Сколько раз она проходила мимо, глядя на идеальных людей, входящих в стеклянные двери. И теперь она будет одной из них — на один день, может, на два, потому что вероятность, что возьмут, один к тысяче, если верить слухам. Но хотя бы увидит это место изнутри, сможет рассказать матери, что попробовала, что не сдалась.

Алиса опустилась на диван и посмотрела на потолок — серый, с пятном от протечки. Оно было похоже на карту неизвестной страны, и она любила разглядывать его перед сном, придумывая, как спроектировала бы город на этом месте — город, где люди не продают чувства, а просто живут.

Традиционный вечерний видеозвонок выдернул её из полудрёмы. На экране была мама, встревоженная, как всегда.

— Алиса, ты чего не отвечала? Я уж думала, случилось что.

Алиса смотрела на экран и не понимала, почему каждый разговор с матерью вызывает чувство вины.

— Всё нормально, мам. Я заявку отправила. Во FutureSense.

Мать замолчала, и её лицо изменилось — страх сменился чем-то вроде надежды.

— Правда? Алиса, это же... это же замечательно! Я так рада! Там у моей подруги дочь работает, теперь вон какую квартиру в центре снимает. И машину купила. Ты главное держись там, покажи себя. Ты же у меня такая умная, такая чувствительная...

— Угу, — промычала Алиса, не отрывая взгляда от неизвестной страны на потолке.

— Завтра надень то синее платье, которое я тебе дарила. Оно тебя молодит.

— Угу.

— И волосы причеши. А то выглядишь как... ну ты поняла.

— Поняла, мам.

— Я в тебя верю, доча. Ты справишься.

Мать отключилась, а Алиса продолжила лежать, глядя, как пятно-страна подмигивает ей в свете уличной рекламы, и думала о том, что завтра она пойдёт продавать свои чувства. Она попыталась представить завтрашний день, но в голове были только обрывки: стеклянные двери, толпа людей, её собственное отражение. И почему-то этот образ не пугал, а успокаивал — как будто она уже перестала быть собой и стала кем-то другим, кем-то, кто подчинился потоку.

В памяти всплыло ещё одно — отец, не тот, что уходит, а другой: он сидел рядом с ней за столом, её рука в его руке, и он водил карандашом по ватману, выводя идеально ровную линию, и говорил: «Под правильной линией всегда есть что-то живое — стена, дерево, свет. Если под ней пусто, это просто царапина». Его ладонь — тёплая, надёжная, пахнущая табаком и типографской краской — лежала поверх её детской ладони. Алиса закрыла глаза, пытаясь удержать это тепло, но оно уходило, таяло, оставляя только холод простыни.

За окном шумел ночной город. Редкие машины проезжали по лужам, и звук этот был похож на вздохи — город дышал, жил, чувствовал. Алиса встала с дивана, подошла к окну, провела пальцем по выщербине на старом подоконнике — шершавый край, сколотая краска. Постояла так минуту, слушая дыхание города. Потом вернулась на диван, легла и снова посмотрела на пятно на потолке.

340 рублей — завтра на кофе хватит.